

УДК 550.3 (092)

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА АБРАМОВИЧА ПЕТРУШЕВСКОГО

Л.И.Иогансон

Институт физики Земли
им.О.Ю.Шмидта РАН,
г. Москва, Россия

Аннотация Приводятся краткие биографические сведения и характеристика основных направлений и результатов научной деятельности доктора геолого-минералогических наук Б.А.Петрушевского. В статье включены также воспоминания о личных встречах автора с Б.А.Петрушевским в последние годы его жизни.

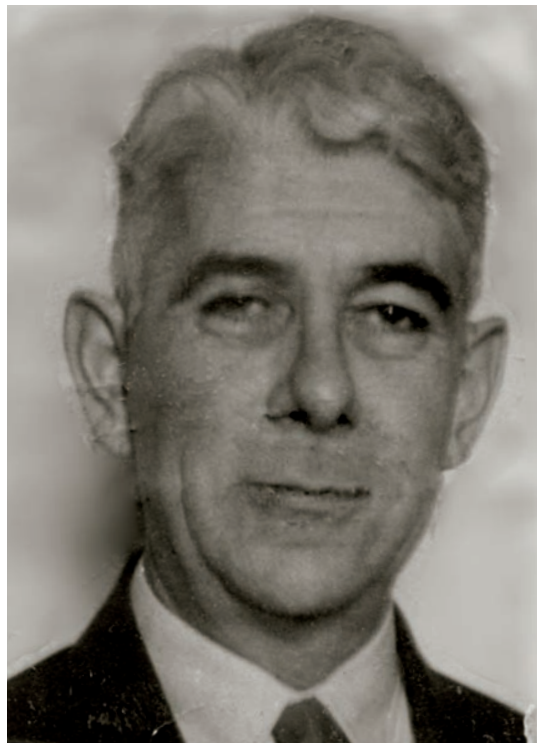
Ключевые слова: региональная геология, тектоника, структурно-исторический анализ, континентальная кора, сейсмо-тектоника, сейсмическое районирование, сейсмо-структурный метод

Борис Абрамович Петрушевский родился в Симферополе 16 мая 1908 г. Его отец – Абрам Борисович Дерман был известным литературным критиком, близким кругу писателя В.Г.Короленко, жившего в 1910-1920 гг. в Полтаве, на Украине. В 1920-е годы А.Б.Дерман, после смерти В.Г.Короленко, принимал участие в подготовке к изданию сочинений писателя. Мать Бориса Абрамовича – урожденная Петрушевская, дочь известного ученого-физика, профессора Петербургского университета Федора Фомича Петрушевского.

Б.А.Петрушевский после окончания средней школы в 1925 г. в г. Симферополе обучался в 1925-1930 гг. на естественно-математическом отделении 1-го Московского государственного университета. В 1930-1935 гг. он работал в Научном институте по удобрениям ВСНХ, с 1935 по 1942 гг. – в Геологическом институте АН СССР, с 1942 по 1944 гг. в Комитете по делам геологии при СНК СССР, с 1944 по 1951 гг. – во Всесоюзном Институте минерального сырья. В 1951 г. Б.А.Петрушевский переходит в ГЕОФИАН, будущий Институт физики Земли АН СССР (ИФЗ), где в отделе геодинамики, руководимом В.В.Белоусовым, работает до конца своей жизни. В 1955-1971 гг. Б.А.Петрушевский возглавляет редакцию издательства «Мир», в 1973–1983 гг. он – главный редактор журнала «Бюллетень Московского общества испытателей природы» (отдел геологический).

Б.А.Петрушевский относится к блестящей плеяде отечественных геологов, изучавших региональную геологию (в классическом понимании этого термина) преимущественно азиатской части СССР. Как ученый он сложился скорее в ГИНовской школе, где в составе Центрально-Казахстанской ком-

плексной экспедиции, организованной А.Д.Архангельским, работал вместе с такими геологами, как А.Л.Яншин, Н.С.Шатский, В.С.Коптев-Дворников, Н.А.Штрейс, А.А.Богданов, П.Н.Кропоткин и др. В задачи экспедиции входило изучение структуры Казахской складчатой страны, стратиграфии древнепалеозойских отложений, закономерностей распределения полезных ископаемых. В дальнейшем Б.А.Петрушевский занимался изучением региональной геологии Урало-Сибирской платформы, Тянь-Шаня и Дальнего Востока.

Борис Абрамович
Петрушевский

Результаты обобщения материалов по этим обширным территориям углубили и конкретизировали положения геосинклинально-платформенной концепции, которая была руководящей научной парадигмой того времени. Так, анализ геологической истории Урало-Сибирской платформы и Тянь-Шаня позволил Б.А.Петрушевскому сформулировать основные принципы превращения геосинклинальных областей в платформенные. Большое внимание в его работах уделено характерным отличиям молодых платформ от древних. К принципиальным результатам, имеющим фундаментальное значение в теоретической тектонике, относятся полученные доказательства обратимости процесса становления платформ, отдельные части которых могут подвергаться тектонической активизации и превращаться в эпиплатформенные орогены, что показано на примере Тянь-Шаня.

Исследования геологической истории и тектоники Дальневосточной Азии задолго до позднейших разработок привели Б.А.Петрушевского к выводу о существенной гетерогенности строения, распространяющейся до глубин около 1000 км, и диссимметрии этого сектора земного шара. Тихоокеанское кольцо рассматривалось им в качестве уникальной высокоподвижной зоны, заложенной на континентальной основе. Обосновывалась континентальная природа земной коры окраинных морей, подвергшейся океанизации в кайнозой. Из анализа геологической структуры Центральной и Юго-Восточной Азии были сделаны выводы о принципиальных отличиях строения и истории развития кайнозойских геосинклинальных сооружений, расположенных к западу и востоку от Гималаев, относящихся соответственно к лавразийскому и тихоокеанскому сегментам Земли. Даже краткое перечисление полученных научных результатов показывает значимость вклада Б.А.Петрушевского в развитие классической геологии отечественной школы.

С переходом Б.А.Петрушевского в ИФЗ связано его активное участие в сеймотектонических исследованиях. По времени это совпало с осуществлением научной программы по прогнозу землетрясений, разработанной академиком Г.А.Гамбурцевым после катастрофического Ашхабадского землетрясения 1948 г. Концепция прогноза землетрясений Г.А.Гамбурцева, подразумевавшая изучение физики единого глубинного процесса земной коры для понимания

сейсмогенеза, в котором тектонической составляющей отводилось важнейшее место, как нельзя более соответствовала взглядам Б.А.Петрушевского. Нарботанный опыт регионального изучения азиатской части страны был полностью востребован в развернувшихся комплексных геолого-геофизических исследованиях. Б.А.Петрушевский был руководителем специально созданной в начале 1950-х годов Арало-Каспийской экспедиции и ведущим специалистом в сеймотектонических исследованиях ИФЗ.

Эти работы включали всестороннее изучение геологических критериев сейсмичности, определявшихся не только современной структурой и неоструктурой территории, но и глубоким историко-структурным анализом. В страстной полемике 1950-1970 гг. вырабатывались классические сеймотектонические представления, положенные в основу сейсмического районирования. Б.А.Петрушевскому принадлежит ведущая роль в этой полемике, развернувшейся в начале 1950-х годов в ИФЗ между сторонниками так называемого «структурного» метода, связывающего сейсмичность с видимыми разломами, разработанного И.Е.Губиным, и сейсмо-структурного метода, основным принципом которого был историко-структурный анализ, свидетельствующий о том, что сейсмичность региона в значительной мере определяется возрастом активных тектонических процессов. Б.А.Петрушевский, один из немногих, указывал на связь активных современных тектонических процессов в Кызылкумах с сейсмичностью, и сильные землетрясения в Газли 1976-1984 гг. не были для него такой неожиданностью, как для большинства специалистов. Его работы по сеймотектонике, в частности по определению геологических критериев сейсмичности, также составляют классическое наследие отечественной сеймотектонической школы.

В отделе В.В.Белоусова Б.А.Петрушевский был одной из самых ярких фигур. Относясь к безусловной научной элите отдела, он выделялся еще и своей необычайной живостью характера, задором, в том числе полемическим, остроумием, и, что ему не всеми прощалось, – неким сибаритством, не свойственным в целом пуританскому советскому обществу того времени. Он вполне вписался в научное направление отдела, внося ощутимый вклад своими фундаментальными разработками классических основ геосинклинально-платформенной концеп-

ции. Когда развернулись дискуссии вокруг тектоники плит, Б.А.Петрушевский выступил с критикой ее положений, но со своих позиций, аргументируя невозможность крупных горизонтальных перемещений плит на основании реального строения складчатых зон, а не потому что отдел возглавлял убежденный противник этой гипотезы В.В.Белоусов. Из-за ГИНовского прошлого,

В.Е.Хаин в одной из своих публикаций назвал Б.А.Петрушевского «перебежчиком», но переход в ИФЗ оказался для Бориса Абрамовича весьма плодотворным – именно здесь ему довелось оформить свои научные выводы по региональному строению и развитию азиатской части СССР в виде капитальных монографий и сделать так много для развития классической сеймотектоники.

Мне довелось быть знакомой с Борисом Абрамовичем Петрушевским на протяжении многих лет, и, позволю себе сказать, - дружить с Борисом Абрамовичем в последние годы его жизни, когда она стала оборачиваться к нему своими самыми неласковыми сторонами. И мне хочется рассказать о нем то, что запомнилось от наших встреч, когда я довольно часто бывала у него дома в начале 1980-х годов.

Познакомились мы с ним в 1960 г., когда я еще училась в Московском университете и была на практике в Камчатской экспедиции. Вот туда-то, нарушив наше привычное житье-бытье, и прилетел Борис Абрамович Петрушевский, чтобы на вертолете облететь какой-то хребет, вулкан, побережье. Его ждали и боялись. Профессор, с капризами, все ему подай. Как было, когда он прилетел, я уже почти не помню, помнится только, что с его приездом чудесное камчатское лето кончилось, и мы две недели просидели безвыездно в Петропавловске из-за дождей. Помню только, что каждый день, ближе к вечеру, меня, как самую молодую, посылали вниз (в центр, а мы жили где-то в верхней части города, расположенного на склоне сопки) за спиртным и шампанским. Стало быть, были некоторые возлияния, но было это не шумно, пристойно, больше для общения. Так прошли две недели, после чего Борис Абрамович благополучно погрузился на пароход и, особенно не сетуя, отплыл во Владивосток.

После этого на протяжении многих лет были какие-то контакты с Борисом Абрамовичем – редкие и случайные (я работала в другом институте) – встречи на каких-то совещаниях, в консерватории на концертах Софроницкого, что-то где-то еще. Но даже от этих случайных встреч и разговоров оставалось ощущение тепла и того, трудно определимого, что я позднее назвала чувством наполненности общения.

Когда я вернулась в ИФЗ в конце 1970 гг., Борис Абрамович уже был консультантом.

Я знала, что он тяжело болел, у него оказался рак горла, к счастью, с болезнью удалось справиться, он, заядлый курильщик, был вынужден бросить курить. Потом у него умерла любимая жена, Варвара Александровна. Детей у них не было. Борис Абрамович оказался в полном одиночестве.

В ИФЗ мне пришлось резко изменить тему своих научных занятий и заняться сеймотектоникой в лаборатории Н.Я.Кунина. Это была сфера научных интересов Бориса Абрамовича. Я прочитала его работы и влюбилась в них. Они были интересны, прежде всего, разумеется, с научной точки зрения, но для меня, может быть, еще важнее было то, как они были написаны – так живо, таким хорошим ясным русским языком и так отличались от основной массы геологических научных трудов, что их автор невольно стал для меня главным авторитетом в вопросах сеймотектоники. К тому же это были классические разработки сеймотектонических проблем с упором на тектоническую основу, теперь бы сказали – на геодинамические модели развития территории. Поэтому, когда у меня появились некоторые результаты и выводы по сеймотектонике Тянь-Шаня, я оформила их в виде нескольких статей и решила показать Борису Абрамовичу, воспользовавшись давним знакомством (хотя к этому времени он меня начисто забыл – Наум Яковлевич Кунин, знакомый с Б.А. еще по Средней Азии, все собирался к нему, по среднеазиатскому обычаю «с арбузом или дыней», и в переговорах упоминал и меня, но Б.А., с одной стороны, меня не помнил, а с другой – переживал трудный период болезни и бытовой заброшенности после того, как овдовел, и принимать женщин у себя дома в таком виде не хотел).

Так что наше знакомство возобновилось благодаря этим моим статьям. Но до статей был еще некоторый эпизод, предваряющий и способствующий возобновлению отношений. Я должна была отнести статью в «Бюллетень МОИП», где Борис Абрамович был

главным редактором. Мне вдруг захотелось порадовать его чем-нибудь, и я, зная его тяжелые обстоятельства и то, что он любит музыку, захватила с собой пластинку Софроницкого. Пластинку вместе с запиской я оставила редакционным дамам, и через несколько дней Б.А. мне позвонил, весьма растроганный и благодарный. Выражение столь горячей благодарности по столь незначительному поводу я отнесла за счет его нынешнего одиночества и предложила ему какую-нибудь посильную помощь по хозяйству. На что он ответил:

– Нет, мне теперь помощь не нужна. – И после некоторой паузы, – Я женился.

– О, Борис Абрамович, поздравляю!

– Не нужно поздравлять, – живо ответил он, и чувствуя мою растерянность, объяснил, – есть такое правило – если женятся до 50 лет, поздравляют, до 70 – одобряют, а а после 70 – сочувствуют.

Так я узнала о его новой жене, а вскоре и познакомилась с ней, когда принесла статьи. Был 1981 г.

Чтобы закрыть тему статей, скажу, что он к ним отнесся сурово. Так мне, по крайней мере, показалось – поля были испещрены в разной степени ядовитыми замечаниями, среди которых были, например, и такие: «О Боже! К чему это здесь?» или «Л.И.! Побойтесь Бога». Призывы к столь высокой инстанции, может быть, поубавили мои научные амбиции, но отнюдь не уменьшили симпатий к Борису Абрамовичу. Тогда я не знала, что это его обычный стиль, и не следовало принимать эти замечания слишком серьезно. Поэтому статьи статьями, а я с тех пор стала частым гостем в доме Б.А.. Жил Борис Абрамович в одном из маленьких коттеджей, которые после войны строили пленные немцы «для советской интеллигенции» между Беговой улицей и Хорошевским шоссе. Там жили многие писатели. Борис Абрамович унаследовал квартиру от своего отца, литературного критика. До них здесь жил Э.Казакевич. Соседом Петрушевских в свое время был поэт Николай Заболоцкий, к чему я еще вернусь.

Когда я начала посещать этот дом, в нем еще царил дух прежней жены Бориса Абрамовича – Варвары Александровны, Варюши. Казалось, она просто отлучилась на время. На стене висел ее портрет, написанный в 1928 г. – она еще совсем юная девушка, прелестная, задумчивая. Под портретом всегда два – три свежих цветка и зимой и летом. Новая жена, маленькая бойкая Аделаида Ива-

новна, или Ида, или в моменты раздражения Б.А. – даже Идка, тут же прекращала свою неумолкавшую скороговорку при имени Варюша. Ида возникла не из небытия – они были знакомы с симферопольского детства, не теряли друг друга из виду на протяжении всей жизни, и даже своего сына она назвала Борисом в честь Б.А. К этому времени она тоже овдовела и уже давно вела хозяйство Бориса Абрамовича. Потом я узнала, что у нее были очень напряженные отношения с невесткой, и Борис Абрамович предложил пожениться, чтобы у нее был свой дом. Была она геологом, работала до 70 лет, и, по ее словам, ни разу не опоздала на работу /!/. Мне показывали их детские фотографии в семейном альбоме – дореволюционные детишки обеспеченных родителей – белые платьица, панамки, лица почти неразличимые. Судьба.

Наблюдая их жизнь дальше, я видела, как Иды в доме становится все больше, а Варюши все меньше. Цветы по-прежнему атели или белели под портретом, и вспоминалась она, конечно, всякий раз, но все же в доме правила Ида. Как в последний раз мне тихонько сказал Борис Абрамович, она «во всем дворе первая», ссылаясь на какого-то знаменитого Никандрова, – хочет, чтобы в доме при приеме гостей было в лучшем виде. А помогать ей некому, с глазами плохо, вот и пришлось отменить его последний день рождения. И добавил, что он воспитывался совсем в других условиях. И, конечно, в их доме любили гостей, но не старались никого ничем поразить, все было просто. И как некий эталон привел рассказ своего отца, который в 1920-е голодные годы работал над составлением собрания сочинений В.Г.Короленко и жил в семье недавно умершего писателя. В это время семью собирались посетить представители американской организации помощи голодающим – /АРА/. Дочь Короленко спрашивает у матери, что они попадут гостям к чаю.

– Завари хороший чай и нарежь белого хлеба.

– И все?

– И все.

– Но может быть поставить вишневое варенье?

– Нет. У N. болен сын, ему вишневое варенье нужнее, а этих ничем не удивишь.

«Отец рассказывал об этом с восхищением», – грустно заключил Борис Абрамович. Но это стремление Бориса Абрамовича к простоте наталкивалось на непреодолимое желание Иды поражать воображение на

кулинарном поприще – отсюда появлялась на столе, например, картошка в виде лотоса и прочее в том же духе. С другой стороны, не так уж неприятны были, видимо, Борису Абрамовичу ее старания. Создавалось впечатление, что его стремление к простоте было несколько платоническим. Он относился к исчезающему племени сибаритов, и ее старания, ее замысловатые обеды вполне вписывались в тот образ жизни, который я наблюдала.

Я любила присутствовать на их обедах, когда мы усаживались с Борисом Абрамовичем визави – он на своем привычном месте, перед портретом Варюши, я – напротив, на выдавшем виды диване (с неизменной преамбулой к усаживанию: ты возьми там подушку, диван дырявый – ничего, у нас дома такой же), Ида суетится между столом и кухней, постепенно уставляя освободившуюся от бумаг часть стола закусками и поджидая, пока на плите доспеет нечто для поражения нашего воображения. Затем столь же ритуальное выяснение, кто что будет пить – выбор между водкой в хрустальном графинчике, армянским коньяком и сухим вином. Б.А. выпивал несколько маленьких рюмочек водки («Vodka» – радовала меня, полонофилку, польская надпись в остальном на ничем не примечательной простой рюмке, похожей на химический стаканчик), Ида делала вид, что пьет сухое вино, я иногда соглашалась на коньяк. И вот, наконец, все на столе и начинается обед, во время которого мне, как основной слушательнице, рассказываются истории, с отвлечениями на самые разнообразные темы. Когда доходит дело до чая, я спохватываюсь, заметив, что обед продолжается уже три часа и мне давно пора быть дома. Но если я не тороплюсь, тогда следует и весьма длительное чаепитие. Часто при этом поминается некий грузин, попавший неожиданно в дом, где его напоили вместо вина чаем, и он одарил хозяев поразительным откровением, что чай, оказывается, тоже хороший напиток. Мое дело было в основном слушать, я и была благодарной слушательницей. Рассказы могли повторяться, но я терпеливо слушала, все равно было интересно.

Один из таких рассказов был о смерти Николая Алексеевича Заболоцкого. Они были соседями, жили на одной лестничной площадке. С Заболоцкими Петрушевские дружили, драма семей Заболоцкие – Гроссманы (роман Николая Заболоцкого с Натальей Роскиной, женой Гроссмана) происходила на

их глазах. При них появилась и исчезла Наталья Роскина. Потом тетя Поля, домработница Заболоцких, шепотом рассказала, что «он ее выгнал». Выгнал или нет, но какое-то время жил в одиночестве и ничем не мог заниматься, кроме как слушать целыми днями Бетховена. Потом вернулась жена Заболоцкого Екатерина Александровна, все, казалось бы, восстановилось, но в одно августовское утро, когда Борис Абрамович собирался уходить по своим предотъездным делам – он на следующий день улетал в Китай – из квартиры Заболоцких раздался отчаянный крик. Б.А. бросился туда и увидел распростертого на полу Николая Алексеевича. Он был в пижаме, по словам жены, только что брился в ванной и, выходя оттуда, упал мертвым. Его тело преграждало дорогу к двери, Екатерина Александровна плакала, кричала и не могла переступить через тело. А кричала она как будто следующее: «Я подлая! Подлая! Это мне нужно было умереть!».

(Это было в 1958 г., а в начале 80-х в ЦИДРИ состоялся вечер памяти Заболоцкого, на котором я присутствовала. Там были Л.Либединская, А.Турков, М.Казаков, М.Глузский. Должен был прийти В.А.Каверин, но не пришел по болезни, какие-то молодые поэты. Как обычно в таких случаях, в неумеренно торжественных и высокопарных тонах читали, вспоминали, толковали. Была и Екатерина Александровна с целым выводком внуков и внучек. Моложавая, маленькая, ясноглазая, приятная. В общем, жена и муза поэта. Мне было слегка обидно за Наталью Роскину. Но на этот раз было соблюдено некоторое равновесие в признании степени их «музности». Выступил литературный критик Андрей Турков и среди прочего сказал, что Заболоцкий только в конце жизни стал писать стихи о любви, создав свой прекрасный цикл «Последняя любовь». Я порадовалась за невидимую, неслышимую и, скорее всего, отсутствующую здесь Роскину).

В связи с Заболоцким я прослушала несколько раз и рассказ о супружеской паре из Ростова, поклонниках поэта, которые, разыскивая его дом, наткнулись на Бориса Абрамовича, и он, надо полагать, вознаграждал их поиски, и показал и рассказал. Показал, между прочим два дуба, которые выросли из посаженных Заболоцким желудей в их почти общем саду. Гости посвятили Заболоцкому номер какой-то ростовской газеты, который прислали Б.А.. Сам Борис Абрамович написал интереснейшие воспоминания о поэте,

опубликованные в книге воспоминаний о Заболоцком. Позже в одном из сборников была напечатана статья И.Ростовцевой о Заболоцком, где она цитировала статью Бориса Абрамовича. Я принесла ее Б.А., то-то было радости, одной из последних в его жизни, как оказалось.

Но вернемся к застольным беседам. Довольно часто речь шла о В.В.Белоусове. В частности, Б.А. доставляло громадное удовольствие пересказывать некую историю со слов Н.А.Белоусовой, с которой он был знаком еще по Симферополю. А история такова: собирается В.В. утром в институт, более чем угрюм, темнее тучи. – Да что с тобой? – спрашивает Н.А. – Ах, как представляю свой отдел, Сорский будет жаловаться на Кириллову, Кирилова на Гзовского, а мне во всем этом разбираться, так прямо утопиться хочется. – Но вот возвращается В.В.Белоусов из института, светлый, улыбается. – Что случилось? – Да, ничего. Пришел Борис Абрамович, рассказал анекдот, и как-то все легче стало. – А я, – говорит довольный Борис Абрамович, – послушав, как он разносит своих сотрудников, рассказал ему про Беню Крика, который советовал своему сообщнику «холоднокровнее работать». – Вот я и говорю Белоусову: «Холоднокровнее работайте, Владимир Владимирович».

Помню и еще один интересный рассказ о В.В.Белоусове, как тот чуть не стал жертвой бдительности наших всемогущих органов во время одного из своих одиноких лыжных походов по Подмоскovie. Как-то едет он на лыжах, погода дивная, местность пересеченная, холмы и низины. Далеко впереди появилась какая-то группа военных, которая то скрывалась за холмами, то возникала все ближе. В.В. не обращал на них особого внимания, пока не заметил, что они машут руками и что-то кричат, но не отнес это к себе и продолжал катить им навстречу. Но тут он увидел, что один из военных снимает винтовку и начинает в него целиться, и только тогда сообразил, что все это имеет к нему прямое отношение, и как-то увернувшись, боком проехал мимо воинственной группы. Боковым же зрением распознал среди военных Маленкова и даже услышал его недоуменный вопрос: «Он, что же, не видит, что я здесь гуляю?»

Да, раньше, очевидно, была большая близость между В.В.Белоусовым и Б.А.Петрушевским, похоже, они дружили семьями при жизни Варвары Александровны, позже мне Наталья Александровна Белоусова что-то подобное рассказывала, но в

те времена, о которых идет речь, отношения между ними сильно изменились. Теперь при упоминании В.В.Белоусова Борис Абрамович вздыхает, говорит, что он все-таки жесткий и немного непонятный человек, чувствуется, что он и обижается на него, и всячески хочет вернуть его расположение. Было видно, что это ноющая если не рана, то глубокая царапина в его душе. Мне тогда казалось, что В.В.Белоусов был его последней привязанностью, болью и надеждой. Все, что он пытался сделать, наперекор все отнимающей старости, было желанием показать, что он еще многое может, было желанием понравиться ему, привлечь его внимание.

А все дело было в том, что ко времени, к которому относятся эти воспоминания, т.е. к началу 1980-х годов, Борис Абрамович заметно отошел от институтских дел, причиной чему было расстроенное здоровье и вообще все его личное неблагополучие предыдущего периода. Он стал скорее частным человеком (несмотря на активную работу в журнале «Бюллетень МОИП»). У него, кроме биологической, наступила и гражданская старость. Вся его активная научная, в том числе экспедиционная жизнь, все заграничные поездки, весь его авторитетно-задорный статус доктора наук из отдела В.В.Белоусова – все вдруг оказалось в прошлом. Жизнь быстро-быстро пошла мимо, его, казалось, такое незаменимое присутствие в отделе очень скоро стало необязательным. А для В.В.Белоусова период начала 1980-х годов был наполнен до предела – разработка его окончательной геотектонической концепции эндогенных режимов, дискуссии по вопросам новой глобальной тектоники, международные конференции, экспедиции, последняя попытка в 1984 г. баллотироваться в действительные члены Академии наук, педагогическая деятельность, Геофизический комитет, Кольская сверхглубокая скважина... Если и оставалось у него время быть частным человеком, то он его ни с кем или, скажем осторожнее, почти ни с кем не делил – известны его одинокие походы в консерваторию, одинокие же поездки за город. Что мог предложить ему Борис Абрамович – задушевные разговоры за водочкой здесь были явно неконкурентноспособны. (Невольно вспоминается еще один Владимир Владимирович – Набоков – с его отвращением к подобному времяпрепровождению). К тому же, как мне сейчас кажется, пристрастие Бориса Абрамовича к возлияниям в глазах В.В.Белоусова было

сильно преувеличено и не без посторонней помощи. А для Владимира Владимировича это было непростительным падением.

Видимо, последний раз они встретились на 75-летию Бориса Абрамовича, которое отмечали в институте. О нем бы и не вспомнили, если бы я случайно не узнала о приближающейся дате и не сказала бы об этом В.Н.Шолпо и Г.И.Рейснеру. Было это в мае 1983 г., выглядело довольно забавно – в комнате, где чествовали юбиляра, во главе стола сидели Борис Абрамович и Владимир Владимирович, чинно вели беседу, остальная публика почтительно помалкивала на расстоянии. Так было с В.В.Белоусовым. Я помню, как Борис Абрамович решил расстаться с очень дорогой для него фотографией – снимком «скорбного барака», т.е. гулаговского барака где-то на Колыме. Он по порыву позвонил В.В. и предложил снимок, но тот отреагировал на великодушное предложение слишком поздно. На похоронах Бориса Абрамовича я снова сказала В.В. об этом снимке, и как потом выяснилось, он звонил Аделаиде Ивановне (вместе с Натальей Александровной они еще хотели выкупить портрет Варвары Александровны, они ее любили), но всем имуществом уже завладел сын Аделаиды, возможно, никому не хотелось заниматься поисками снимка, и Белоусовы не получили ничего.

И все же в последние свои годы Борис Абрамович много работал. Он оставался редактором отдела геологического «Бюллетеня МОИП». Ему «шло» быть редактором этого старейшего отечественного журнала, где, несмотря на всю специфику советского времени, оставалась если не аристократическая атмосфера, то очень ощутимое напоминание о старых добрых временах. Борис Абрамович чувствовал себя там как рыба в воде, и на протяжении многих лет был, казалось, незаменимым редактором. Конечно, он придирался к авторам, возвращая статьи, испещренные остроумно-напыщенно-грозными замечаниями и нередкими отрицательными отзывами. Он капризничал и своевольничал, чувствовал себя барином. Но, приходится признать, время его ушло – изменился научный стиль, научный язык, появились новшества в виде математических выкладок к геологическим построениям, что вызывало приступы особой его язвительности.

В сложившейся ситуации совсем крамольной показалась его статья «Судьбы геологической науки в России в первой половине

ХІХ века», которую мне пришлось печатать для Бориса Абрамовича. Криминал заключался как будто в том, что там упоминался не в принятой тогда тональности император Николай I. Кажется, эта статья сыграла решающую роль и в том, что развернувшаяся дискуссия (печатать – не печатать, а дискутировать Б.А. любил в том же духе, в котором проставлял замечания на полях рецензируемых статей) закончилась снятием Бориса Абрамовича с должности главного редактора журнала. Он сопротивлялся и долго просто не мог поверить в случившееся, тем более, с ним смириться. Для напоминания об атмосфере того времени приведу реакцию одного уважаемого, а главное, доброжелательно настроенного к Б.А. человека, который прокомментировал ситуацию так: вообще-то Б.А. сделал много зла в государственном масштабе: он выступал против партийного комитета университета. Он думает, что хорошо редактировать и писать оригинальные вещи – это самое главное. А это далеко не самое главное.

Эта история сильно состарила Бориса Абрамовича, он заметно сдал, но привычка к интеллектуальному труду, потребность в нем, склонность к научно-историческому жанру и, наконец, просто его умственная живость и неиссякаемый задор вернули его к столу и перу. В это время он писал многочисленные статьи, но это были статьи, по большей части относящиеся к истории науки или отдельным персоналиям. Печатался он преимущественно в научно-популярных журналах – «Земля и Вселенная», «Природа».

Борис Абрамович, оторвавшись от непосредственного участия в повседневной жизни советских учреждений, как-то потерял, а вернее, органично утратил привычку к защитным стереотипам, а, может быть, и сознательно отказался, обретя внутреннюю свободу, от непрременных атрибутов, долженствовавших присутствовать в публикуемых текстах того времени. И, наоборот, снабжал свои собственные произведения такими дополнениями, которые, не нанося прямого вреда существующему порядку, все же не вписывались в советский «формат», выглядели слишком экстравагантными, чтобы не бросаться в глаза, и доставляли головную боль ответственным лицам. Хотя речь шла всего лишь об обильных цитатах, например, из Пушкина в геологической статье, осторожные издатели почитали за лучшее отказаться от подобных публикаций. Я печатала

большинство этих статей, будучи уверенной, что никто, кроме меня, Иды и редакторов журналов никогда их не прочитает. Разумеется, не потому, что они плохи. Они были великолепно написаны, одновременно живо и старомодно, неторопливо и с пространными отступлениями. Статьи о первых годах существования ГИНа, о репрессированном геологе Баярунасе, о судьбах геологической науки в дореволюционной России, статьи к юбилейным датам известных геологов, наконец, об одном из забытых князей Голицыных. Но что должен испытывать редактор советского журнала, получавший подобную статью с обильным цитированием Брокгауза и Ефрона или целых страниц из А.Герцена, Л.Толстого и А.Пушкина о Москве, о том, что она значила для России, при описании московской геологической школы? Или что должен делать тот же редактор, встретив в статье к юбилею О.С.Вялова в качестве эпиграфа восточную мудрость о том, что раз уж время бесконечно, а жизнь так коротка, то незачем торопиться сделать слишком много? Конечно, вернуть статью, что и было сделано в последнем случае, с предложением отказать от чуждой нам мудрости, но упрямый Борис Абрамович оставил все на своем месте. Не знаю, чем все закончилось с этой статьей, ее поддерживал известный геолог Д.П.Резвой.

Вопреки только что процитированной полюбившейся ему восточной мудрости, сам Борис Абрамович как раз собирался сделать еще очень много в уверенности, что он все это успеет. Как он мог воодушевляться и сколько у него было планов! (И как это воодушевление передавалось окружающим!) Я тогда думала, что человеку даже в глубокой старости (так мне казалось) просто присуще чувство бессмертия, которое и дает ему ощущение бесконечности жизни, в которой еще столько можно успеть. Здесь была и историко-биографическая работа, и мемуары, и подготовка к изданию беллетристики своего отца. Кое-что из архива Абрама Борисовича Дермана, некоторые неизданные статьи и заметки, я перепечатывала, помню, что один рассказ о некоем Евгении Онегине, вполне историческом персонаже, жившем в Париже и назвавшем себя так из любви к Пушкину, даже относилась в редакцию какого-то журнала. Жаль, заметки А.Б.Дермана у меня сохранились, кстати, очень интересные, а вот экземпляры статей Бориса Абрамовича я не оставляла. Наблюдая мучительные отношения Б.А. с редакторами, еще усугу-

блявшиеся нежелательным статусом работ по истории науки в большинстве периодических изданий, я размечталась о специальном журнале по истории геологии и сказала Б.А. об этом в тональности «как бы хорошо...». Он сурово меня отчитал за «маниловщину» и не советовал об этом никому говорить в моих же интересах - как бы не усомнились в моей адекватности. Кто бы знал тогда, что не пройдет и 30 лет и обо всем этом будет рассказано на страницах именно такого журнала, где были бы так уместны его работы последних лет.

И была еще одна неизменная радость и забота у Бориса Абрамовича в эти последние, такие невеселые годы. Это был сад, окружавший его дом. С этим садом для меня навсегда связана строчка из Мандельштама: «После чая мы вышли в огромный коричневый сад...» Так оно и бывало после чаепитий в теплое время года, хотя сад был и не огромный и не всегда коричневый, но уникальный в этом уголке Москвы. Кроме огромных берез, каштанов, здесь были подрастающие дубки, кусты сирени, барбариса, роз. И на всем пространстве сада – крупные, садовые фиалки, барвинки, лилии, ирисы, аквилегии, незабудки, ландыши, тюльпаны, нарциссы, т.е. почти все весенние цветы. В течение нескольких весен происходил один и тот же телефонный разговор – звонил Борис Абрамович и говорил: «Дружок, угадай, что у меня стоит на столе?» – стояли подснежники, а чуть позднее фиалки – они расцветали в его саду на удивление рано. Фиалки с крупными круглыми листьями и очень яркими, тоже крупными цветами, росли сплошным ковром, так что в этом отношении сад не требовал особого ухода. Барвинки, до того известные мне только по украинским народным песням, я увидела впервые в саду Б.А. – густые заросли, суховатые жесткие блестящие листья и необычная форма голубовато-лилово-синих лепестков, как будто скошенных при невидимом вращении.

В июне сад терял свой свежий зеленый вид и заносился тополиным пухом, за что на его несуществующую голову сыпались преувеличенные проклятья Б.А. Среди всего этого великолепия произрастали 5-6 маленьких каштанчиков, проросших из осыпавшихся осенью каштанов. Я как-то собрала несколько каштанов, чтобы посадить их у себя в деревне, но оставила на работе. Мой коллега Е. разгрыз их не то по рассеянности, не то из любознательности, нам было смешно, и я рассказала Б.А. об этом, как о забавном при-

ключении, но в ответ услышала искренне-негодующее: «Дурак!».

Борис Абрамович знал в саду каждое дерево, каждый куст, да и как ему было не знать – все было посажено им же. Две огромные к этому времени березы когда-то они с Варварой Александровной привезли из подмосковного леса в мешке. В свою очередь, я из нашего сада на Плещеевом озере привезла сюда маленькие вишни, вполне освоившиеся на новом месте. На запущенной половине сада, принадлежавшей когда-то Заболоцким, росли два больших дуба, выращенные Николаем Алексеевичем из желудей, здесь же необыкновенной голубизны первоцветы, посаженные его женой, Екатериной Александровной, и ландыши, перекочевавшие под асфальтовой дорожкой на сторону Б.А. С другой стороны сада Б.А. – тоже запустение, бушует крапива, но все же, пока она не разрасталась к середине лета, еще можно было разглядеть бывшие дорожки, клумбы, тополевую аллею. Здесь жили Гольцевы. В начале 1980-х, когда я бывала у Бориса Абрамовича, там еще жила его вдова, старая и полуслепая, совершенно одинокая, хлопотавшая о доме для престарелых. А еще сравнительно недавно, по рассказам Б.А., к ним приходили специалисты по М.А.Булгакову – Гольцевы были с ним дружны.

Борис Абрамович гордился своим садом. В последнюю свою весну он звонил в Общество охраны природы, чтобы сообщить: «У меня цветет тысяча фиалок». И он не преувеличивал, ковер фиалок на какое-то время действительно стал сине-зеленым, но у Б.А. было не столько желание поразить общество, сколько вполне прагматическая надежда, что общество поставит забор. Наивный старый романтик, ему осталось в последний

раз любоваться своими неогороженными фиалками. Лето прошло в исключительно неприятных болезнях, а в январе 1986 г. Борис Абрамович умер в клинике от инфаркта мозга.

Помню похороны. Много народу. В.В.Белоусов, элегантный и замкнутый, с двумя белыми розами. В прощальной речи он сказал, что Б.А.Петрушевский был выдающимся региональным геологом, и значение его работ будет расти со временем.

То время быстро подошло к концу. Сейчас работы Б.А.Петрушевского едва ли широко востребованы. Теоретическая геология занимается другими проблемами, сейсмогеотектоника находится на другом этапе развития. Разве что для полноты картины какой-нибудь добросовестный специалист упомянет одну-две работы Б.А.Петрушевского в общей части своего труда. Однако не так давно писались эти работы и жил обаятельный и необыкновенно притягательный человек, представитель, пожалуй, уже не «уходящей расы», но полностью ушедшей.

Построенные немцами коттеджи между Беговой и Хорошевкой исчезли одни из первых под натиском новой жизни. Теперь там новый, несколько монструозный район огромных современных зданий, и ничто не напоминает о былой картине. Два маленьких каштана я в свое время перевезла в свой деревенский сад на Плещеевом озере. Вместе с ними перевезлись и фиалки. Каштаны выросли там довольно большими, но потом почему-то засохли, зато фиалки распространились по всему нашему саду – это все, что осталось от бывшего великолепия на Беговой улице вокруг коттеджа, где жил Борис Абрамович.

Урало-Сибирская эпигерцинская платформа и Тянь-Шань (история развития в мезозойское и кайнозойское время и вопросы сейсмичности). М.: Изд-во АН СССР. 1955. 552 с.

Вопросы геологической истории и тектоники Восточной Азии., М.: ИФЗ АН СССР, 1964. 300 с.

О принципе унаследованности развития вертикальных движений и проблема крупных горизонтальных перемещений // Бюл. МОИП. Отд. геол. 1964. Т.39, № 1. С.3-19.

Новейшие тектонические движения конти-

нентальной Азии и сейсмогеологическая обстановка их проявления / Активизированные зоны земной коры, новейшие тектонические движения и сейсмичность. М.: Наука, 1964. С.45-57.

О новых направлениях в сейсмогеологии в связи с сейсмическим районированием // Бюл. МОИП. Отд. геол. 1967. Т.42, №5. С. 13-34.

Индо-Памирская глубинная зона и Западно-Деканское землетрясение // Геотектоника. 1969. № 2. С.22-37.

О геотектоническом соотношении Средиземно-Черноморского и Тихоокеан-

ВАЖНЕЙШИЕ ПУБЛИКАЦИИ Б.А.ПЕТРУШЕВСКОГО

БЛАГОДАРНОСТЬ

- ского складчатого поясов // Бюл. МОИП.
Отд. геол. 1970. Т.65, №2. С. 13-34.
- некоторых принципиальных возражениях
против идеи мобилизма // Бюл. МОИП.
Отд. геол. 1970. Т.67, № 5. С. 125–138.
- тектонической природе Гималаев //
Бюл. МОИП. Отд. геол. 1970. Т.45, № 1.
С. 32–47.

Приношу свою искреннюю благодар-
ность Ренате Леонидовне Мишиной, чье
неутомимое внимание к тексту во многом
способствовало его улучшению и служило
недостижимым образцом профессионально-
го мастерства и добросовестности.

СВЕДЕНИЯ Иогансон Лидия Ивановна

ОБ АВТОРЕ *ведущий научный сотрудник*
Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
123995, ГСП-5, Москва, Д-242, Б. Грузинская, 10.
E-mail:iogan@ifz.ru

**TO THE 100 ANNIVERSARY
OF BORIS ABRAMOVICH
PETRUSHEVSKY**

The brief biographical materials
and characteristics of the main
scientific fields and results of Ph.
Doctor of geology B.A.Petrushevsky

LIDIA I. IOGANSON

*Schmidt Institute of Physics of the Earth
RAS, Moscow, Russia*

are considered. The memoirs on
the author's personal meeting with
B.A.Petrushevsky in the last years
of his life are also included.